

Научная статья

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА ОСВОЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ (КОНЕЦ XVI — XVIII вв.)

С. В. Горохов

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
г. Новосибирск, Россия
gorokhov.sv@yandex.ru

Аннотация

Введение. Метод дендрохронологического датирования является одним из ключевых при определении возраста архитектурных сооружений Средневековья и Нового времени. Однако иногда приходится сталкиваться с прецедентами, когда результаты дендрохронологического и историко-археологического датирования не согласуются между собой. Критическому разбору результатов дендрохронологического датирования архитектурных остатков археологических памятников Бергамакский острог (Бергамак-I, Бергамакская слобода), д. Ананьино (Ананьино-I) и г. Тара (усадебна на территории крепости и городни), расположенных в Омском Прииртышье, посвящена эта статья.

Материалы и методы. Материалы археологических раскопок, сведения из письменных источников и данные дендрохронологического датирования в сравнительном аспекте выступают источником для обоснования историко-археологического датирования отдельных объектов.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе историко-археологического датирования было установлено, что перечисленные памятники были удревлены исследователями примерно на одно столетие. Данный вывод основывается прежде всего на анализе нумизматических коллекций, полученных при раскопках и изучении названных объектов. Важное место в системе аргументации также занимают планиграфические и стратиграфические наблюдения. Установлено, что данные дендрохронологического датирования не подтверждают датировку историко-археологическими методами.

Заключение. В статье представлены гипотезы о необходимости датирования д. Ананьино серединой и второй половиной XVIII в. и о ее переносе на новое место в начале XVIII в. и в начале XIX в. Сформулирована проблема согласования результатов дендрохронологического и историко-археологического датирования.

Ключевые слова: Сибирь, Среднее Прииртышье, Ананьино-I, Бергамак-I, Бергамакский острог, Тара, дендрохронология

Финансирование: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Горохов С. В. Проблемы интерпретации результатов дендрохронологических исследований памятников периода освоения Среднего Прииртышья Российским государством (конец XVI — XVIII вв.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 174 — 184. EDN SMCBJI

© Горохов С. В., 2024

Original article

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE RESULTS OF DENDROCHRONOLOGICAL STUDIES OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE PERIOD OF DEVELOPMENT OF THE MIDDLE IRTYSH REGION BY THE RUSSIAN STATE (Late XVI — XVIII Centuries)

S. V. Gorokhov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
gorokhov.sv@yandex.ru

Abstract

Introduction. In recent decades, the method of dendrochronological dating has become one of the key ones in determining the age of architectural structures of the Middle Ages and Modern times. However, sometimes we have to face precedents when the results of dendrochronological and historical-archaeological dating do not agree with each other. The purpose of this study is to critically analyze the results of dendrochronological dating of architectural remains of archaeological monuments Bergamaksky ostrog (Bergamak-I, Bergamaksaya Sloboda), the village of Ananyino (Ananyino-I) and the city of Tara (manor on the territory of the fortress and town place), located in the Omsk Irtysh region.

Materials and methods. The materials of archaeological excavations, information from written sources and data from dendrochronological dating in a comparative aspect serve as a source for substantiating the historical and archaeological dating of individual objects.

Results and discussion. In the course of historical and archaeological dating it was found out that the listed monuments were dated by researchers for about one century. This conclusion is based primarily on the analysis of numismatic collections obtained during excavations and surveys of the studied objects. An important place in the argumentation system is also occupied by planographic and stratigraphic observations. It is established that the information of dendrochronological dating do not confirm the dating by historical and archaeological methods.

Conclusion. The article presents hypotheses about the need to date the village of Ananyino to the middle and second half of the XVIII century and about the transfer of the village of Ananyino to a new place in the early XVIII and early XIX centuries. The problem of matching the results of dendrochronological and historical-archaeological dating is formulated.

Keywords: Siberia, Middle Irtysh region, Ananyino-I, Bergamak-I, Bergamaksky ostrog, Tara, year-ring analysis

Funding: The study was conducted as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation: Gorokhov SV. Problems of Interpretation of the Results of Dendrochronological Studies of Archaeological Monuments of the Period of Development of the Middle Irtysh Region by the Russian State (Late XVI — XVIII Centuries). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(3):174—184. EDN SMCBJI

Введение

Сегодня дендрохронологический метод все чаще применяется при датировании памятников позднего Средневековья и Нового времени. Указанный метод привлекателен относительной доступностью для исследователей, высокой точностью датирования изделий из дерева и отсутствием субъективного фактора. Однако на практике могут возникать ситуации, когда результаты дендрохронологического датирования противоречат результатам историко-археологического исследования.

Разбору проблемной ситуации, возникшей в ходе дендрохронологического датирования ряда памятников Среднего Прииртышья XVII — XIX вв. [11], посвящена эта статья.

Цель нашего исследования состоит в критическом разборе результатов дендрохронологического датирования архитектурных остатков археологических памятников Бергамакский острог (Бергамак-1, Бергамакская слобода), д. Ананьино (Ананьино-1) и г. Тара (усадебная территория крепости и городни). В результате неточной интерпретации результатов археологических раскопок перечисленные памятники были удревнены на одно столетие. Дендрохронологическое датирование подтвердило такое удревнение. В результате этого у археологического сообщества может сложиться ошибочное представление о согласованности результатов археологических исследований и дендрохронологического датирования. В статье мы постараемся продемонстрировать неточности в хронологической интерпретации материалов археологических раскопок и их несогласованность с полученными дендродатами.

Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена материалами археологических раскопок (архитектурные остатки, наблюдения за стратиграфией, монеты, счетные жетоны, фарфор, кирпичи), данными письменных источников и дендрохронологического датирования. Основным методом исследования является оценка обоснованности историко-археологического датирования отдельных объектов.

Обзор литературы

В связи с тем, что заявленная проблема поставлена нами впервые, литература по данной теме практически отсутствует.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно результатам дендрохронологических исследований, образцы, изъятые в ходе раскопок памятника Ананьино-1, относятся ко второй четверти XVII в. По данным письменных источников в 1624 г. деревня Ананьино уже существовала [11, с. 138, 141]. В некоторых работах исследователь памятника Л. В. Татаурова относит возникновение этой деревни ко времени основания г. Тара (1594 г.) [12, с. 67].

Ранее на примере данного археологического памятника нами был рассмотрен вопрос соотношения разнородных источников о хронологии этого комплекса. На основании результатов анализа нумизматической коллекции, фрагментов фарфоровых изделий, кирпичей, а также остатков строений было показано, что отсутствуют историко-археологические основания для датирования этого памятника XVII в. или более ранним временем.

На наш взгляд, из совокупности всех имеющихся фактов следует, что населенный пункт известный под названием «деревня Ананьино» перемещался в пространстве по крайней мере два раза: первый раз в первой половине XVIII в., второй раз — в первой половине XIX в., а исследованный памятник должен быть датирован согласно сохранившемуся нумизматическому материалу серединой — второй половиной XVIII в. Также нельзя исключить того, что исследованный памятник не является д. Ананьино, известной по письменным источникам. Однако эти гипотезы не снимают проблемы рассогласования археологических и дендрохронологических датировок [4, с. 104, 105].

Бергамакская слобода была основана в 1668 г., в 1670 г. в ней был возведен острог [1, с. 51, 54, 59]. В 1996 (Л. В. Татаурова) и 1998 (С. Ф. Татауров) гг. на памятнике проводились археологические исследования. Л. В. Татаурова полагает, что ею изучена часть Бергамакского острога. В раскопах выявлены остатки заплотной стены, которую она соотносит с оборонительными сооружениями [23; 24, с. 142]. Однако нами было обнаружено письменное свидетельство того, что стены Бергамакской слободы 1670 г. предполагалось сделать тыновыми [6]. Этот факт ставит под сомнение то, что образцы, взятые для датирования, имеют отношение к стене слободы. Кроме того, имеются обоснованные сомнения в том, что Бергамакская слобода 1670 г. размещалась именно там, где, предположительно ее обнаружили Л. В. и Ф. С. Татауровы. Весьма вероятно, что ими исследовались остатки усадеб с. Бергамак, которые стояли на месте раскопок ее в 1950-х гг. и имели ограды в виде заплота [5, с. 82, 83].

13 образцов археологической древесины, происходящих с предполагаемой территории острога, были отобраны для дендрохронологического анализа. Датировать удалось семь образцов. В том числе два элемента конструкции предполагаемого заплота (1619, 1737 гг.). Ни на одном образце не были зафиксированы периферийные кольца. Даты сильно разнятся (1605, 1606, 1645, 1694, 1722 гг.). Авторы публикации по дендрохронологии, ссылаясь на Н. Г. Аполлову [1¹], утверждают, что результаты дендрохронологического датирования согласуются с данными письменных источников. Однако Н. Г. Аполлова ведет историю Бергамакской слободы с 1668 г., а авторы статьи по дендрохронологии на основании своих исследований датируют памятник первой половиной XVII — первой половиной XVIII в. [11, с. 137, 141]. Результаты дендрохронологического датирования не согласуются с данными письменных источников. Лишь одна дендродата (1645 г.) может быть соотнесена с основанием острога в 1670 г. с учетом потери некоторого количества периферийных колец. Однако этого недостаточно для каких-либо выводов. Дендродаты элементов предполагаемого заплота не могут быть соотнесены с 1670 г. У одного образца необходимо предполагать потерю 50 — 51 кольца, т. е. почти половину колец (1619 г.), а другой образец (1737 г.) существенно моложе первоначальных укреплений острога. В 1721 или 1722 г. на другом месте уже был возведен новый острог [5].

Результаты дендрохронологического датирования не согласуются не только с данными письменных источников, но и с нумизматическими материалами, которые относятся исключительно к XVIII — XIX вв. [5, с. 83].

Результаты археологических исследований, нумизматический материал, сведения письменных источников также, как и на памятнике Ананьино-І, не подтверждают результаты дендрохронологического датирования.

В г. Тара (основан в 1584 г.) была получена серия дендрохронологических дат для архитектурных остатков раскопанной усадьбы (35 спилов, 14 из которых оказались пригодны для дендрохронологического датирования). Было установлено, что усадьба была возведена во второй четверти XVII в. [11, с. 140, 141]. Она не менее четырех раз перестраивалась после пожаров [19, с. 214]. Остается неясным, к какой

¹ Авторы публикации не указали страницы, на которых содержится соответствующая информация.

перестройке относятся исследованные строения. С. Ф. Татауров полагает, что раскопанная усадьба была возведена после пожара 1669 г.², когда сгорел весь город [11, с. 137]. Вероятно, такая датировка обусловлена тем, что деревянные архитектурные конструкции строений усадьбы не имеют следов горения³. В таком случае неясно, каким образом строение, возведенное после масштабного пожара 1669 г., могло быть датировано второй четвертью XVII в.

Против датировки усадьбы XVII в. свидетельствуют нумизматические материалы. Если рассматривать археологическую нумизматическую коллекцию Тары в целом, то окажется, что в числе более чем 100 найденных монет 10 % относятся к XVIII в., 70 — к XIX в., а 20 % — к XX в. В раскопах обнаружены лишь две монеты времени правления Алексея Михайловича, а также по две серебряные проволочные копейки находятся в частных коллекциях горожан и в местном краеведческом музее. С. Ф. Татауров объяснял эту нумизматическую аномалию тем, что Тара была военным форпостом с малыми торговыми оборотами [15; 16; 22, с. 338]. Однако вскоре меняет свое мнение на противоположное [25, с. 2294]. Первое утверждение нам представляется неубедительным, так как в этом городе на относительно малой площади было сосредоточено большое число служилого населения, которое получало высокое жалование в мелкой, а потому многочисленной и легко теряемой, серебряной монете. По приблизительным подсчетам в качестве денежного жалования служилым Тары поступало до 400 тыс. монет в год. Торговля в XVII в. тоже велась достаточно активно [3, с. 24 — 26, 39]. Даже на сельских поселениях с преимущественно крестьянским населением, которое жило почти исключительно натуральным хозяйством, можно встретить монеты XVII в. Необходимо констатировать наличие тарской нумизматической аномалии, разрешение которой является важной научной задачей в свете как русской сибирской нумизматики в целом, так и истории г. Тара в частности.

В рассматриваемой усадьбе были обнаружены монеты. И хотя С. Ф. Татауров и М. П. Черная не сообщают о времени их чеканки [20, с. 294], однако эти монеты точно не относятся к XVII в., так как все обнаруженные в раскопах серебряные проволочные копейки (2 шт.) были найдены в строении, не связанном с усадьбой [21, с. 433, 434]. Следовательно, нумизматические находки из усадьбы датируют ее самое раннее XVIII в. Исследователи Тары полагают, что нумизматический материал в результате хозяйственной деятельности мог перемещаться как в более ранние, так и в более поздние слои [18, с. 88]. Однако это не отменяет того факта, что в раскопе усадьбы нет монет XVII в.

Ряд конструктивных особенностей центрального строения усадьбы также косвенно указывает на ее возведение не ранее XVIII в. Это кирпичная труба печи в

² Следующий крупный пожар, который мог затронуть строения усадьбы, случился в 1709 г. (Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. Ф., Тихонов С. С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск, 2019. С. 265).

³ С. Ф. Татауров и М. П. Черная в публикациях, посвященных результатам раскопок этой усадьбы, ничего не сообщают о следах горения на архитектурных элементах строений усадьбы. Не приходится сомневаться, что, если бы такие следы были, исследователи непременно указали бы на это.

избе и сени из «колотого» бруса [19, с. 214, 217; 20, с. 292]. Первые сведения о производстве кирпича в Таре относятся к 1720-м гг., когда в городе были зарегистрированы три владельца кирпичных сараев [3, с. 36]. Вызывает сомнение, что брус может быть изготовлен путем раскалывания. До появления пилы он должен был быть тесаным, т. е. иметь характерные следы обработки на поверхности. Вероятно, таких следов обнаружено не было, поэтому исследователи усадьбы сочли брус колотым. При таких обстоятельствах нам представляется более разумным предположить, что брус был изготовлен с применением пилы для продольного пиления, которая появилась в Среднем Прииртышье в конце первой трети XVIII в. или к середине XVIII в. При этом С. Ф. Татауров связывает появление пилы в Таре с развитием каменного строительства [13, с. 28; 17, с. 121].

В ряде статей С. Ф. Татауров с соавторами подчеркивают высокий статус владельца усадьбы, что подтверждается ее относительно большой площадью и местом размещения в центральной части города [20, с. 294]. Однако такой вывод будет справедлив только для того времени, когда Таре угрожала военная опасность, и городские стены были главной защитой русского населения в регионе. На протяжении XVIII в. городские укрепления потеряли свое значение, поэтому место расположения раскопанной усадьбы в тот период уже не было столь же престижным, как в конце XVI — XVII вв. Такого же мнения придерживаются и сами исследователи [19, с. 219].

На то, что в усадьбе не проживала элита города, указывает ряд признаков. По мнению С. Ф. Татаурова и М. П. Черной, «усадьбы социальной элиты выделяются, прежде всего, разнообразием вещевых комплексов, наличием дорогостоящих и престижно-статусных предметов. Набор таких предметов на исследуемой усадьбе весьма скромный: единичные металлические изделия, 3 — 4 осколка стеклянных сосудов западноевропейского производства, несколько фрагментов фарфоровой посуды» [19, с. 218]. Ученые приходят к закономерному выводу, что «предметное наполнение исследуемой усадьбы не соотносится с воеводским статусом владельца» [20, с. 294]. Авторы объясняют несоответствие престижности места обнаруженному материальному комплексу тем, что Тара в XVII в. находилась в состоянии постоянной военной опасности при частой смене руководства гарнизона.

Другим доказательством высокого статуса владельца усадьбы исследователи считают широкую мостовую (до 8 м шириной) напротив дома, изготовленную из цельного леса с отбойниками для колес. Для сравнения они приводят в пример мостовые в посадской части города шириной 2 м из использованного ранее материала [19, с. 294]. Однако это не характеризует усадьбу как особенно престижный жилищный и хозяйственный комплекс, поскольку благоустройство в центральной части города всегда было лучше, чем на окраинах. Большая ширина мостовой скорее, свидетельствует в пользу того, что исследованная усадьба относится к XVIII в., когда миновала военная опасность и отпала необходимость в чрезвычайно плотном размещении построек в пределах кремля. Согласно данным Г. Ф. Миллера, до 1669 г. внутренняя крепость размещалась на пространстве 250 — 300 квадратных саженей или даже на площади в 42 квадратных сажени, т. е. имела размеры примерно 35 × 35 или 15 × 15 м [9, с. 284]. На столь малой площади устройство мостовой в 8 м шириной не практично.

Еще один аргумент исследователей в пользу высокого статуса владельца дома — толщина бревен сруб главной жилой постройки, которая составляет 0,5 м.

С. Ф. Татауров и М. П. Черная отмечают, что другие исследованные строения в Таре имели существенно меньшую толщину бревен [20, с. 294]. Однако другие центральные избы усадеб здесь не исследовались, а второстепенные постройки и строения оборонительного назначения строились из тонкого леса (для увеличения скорости возведения) [8, с. 124].

Территория усадьбы отличается высокой насыщенностью остатков кожаной обуви (около 500 экз., из которых более 200 целых предметов). В «избе для прислуги» найдено 10 лаптей [14, с. 79, 80; 15, с. 241; 19, с. 218, 219]. Некоторая обувь имела детали престижного характера: высокий каблук (на одном была набойка-шпора), резные отвороты, позолоченные задники, расшитые шелком швы. Исследователи полагают, что это свидетельствует о высоком статусе обитателей усадьбы [19, с. 218], но это никак не объясняет явно избыточное количество обуви. Первоначально С. Ф. Татауров считал, что это мастерская по пошиву обуви [14, с. 79, 80; 15, с. 241], однако затем отказался от такой интерпретации без объяснения причин. Позднее ученый вернулся к первоначальной позиции [10, с. 47]. Мы полагаем, что большое количество обуви и ее фрагментов на территории усадьбы свидетельствует, что здесь жил и работал мастер по пошиву и ремонту обуви, который, возможно, также скупал старую обувь с целью ее ремонта и повторной продажи. В конце XVIII в. (вероятно, и ранее) кожевенное ремесло в Таре почиталось самым престижным [8, с. 18], что является следствием его доходности. Это обстоятельство объясняет размещение усадьбы мастера-обувщика в «престижной» исторической части города, но уже не в XVII в., когда здесь проживала служилая элита, а в XVIII в., когда миновала опасность набегов кочевников и появилась возможность более рассредоточенного расселения за пределами городских стен.

Несмотря на то, что исследователи Тары в целом склоняются к датированию усадьбы XVII в., в их публикациях можно заметить некоторую неуверенность в таком выводе. Например, в одной из статей С. Ф. Татауров и М. П. Черная ищут соответствия описанной усадьбе на картах-схемах города конца XVI — начала XVII в. [20, с. 294], а в другой — на картах-схемах конца XVII — начала XVIII в. [19, с. 217].

Таким образом, и при исследовании усадьбы в Таре наблюдается выявленное на памятниках Ананьино-I и Бергамакская слобода существенное расхождение в результатах дендрохронологического и историко-археологического датирования.

В публикациях исследователей г. Тары содержится крайне мало информации по городням тарского кремля, поэтому соотнести результаты археологического и дендрохронологического (начало второй четверти XVII в.) датирования не представляется возможным [11, с. 140].

Исследователи Тары не провели (или не опубликовали) дендрохронологическое датирование архитектурных остатков восьмиугольной башни. Между тем эти данные представляют большой интерес в свете всего сказанного выше, так как башня не имеет следов пожара и может быть датирована по закладной монете 1701 г. [18, с. 90].

Заключение

В практике археологических исследований памятников русских ученые неоднократно сталкивались с расхождениями данных дендрохронологического и археологического датирования. В качестве примера можно привести известный спор

между А. В. Арциховским и Б. А. Рыбаковым по вопросу о хронологии новгородских древностей. Впоследствии дендрохронология не подтвердила ни одну, ни другую концепцию спорящих [7, с. 204, 205]. В настоящей работе мы столько внимания уделили доказыванию фактов расхождения дендрохронологических и историко-археологических датировок с целью осветить субъективную грань этой проблемы для археологов. С одной стороны, результаты дендрохронологического датирования рассмотренных памятников говорят о никчемности археологических методов датирования, так как дендрохронология метод естественно-научный, а следовательно, беспристрастный, объективный, лишенный субъективной составляющей. С другой стороны, специалист-археолог хорошо знает материал, имеет определенный опыт и благодаря археологическим методам путем логических умозаключений приходит к определенным выводам, в том числе хронологического характера. Археолог в деталях представляет себе весь путь умозаключений и, если он беспристрастен, то может быть уверен в достоверности полученных результатов. Обнаружив ошибку, он может пересмотреть ранее сделанные выводы. Однако «кухня» дендрохронологического датирования ему известна лишь в общих чертах, как правило, только ее теоретический аспект. Как в дендрохронологии приходят к конкретному результату, археологу неизвестно. В дендрохронологических работах нет детализации всего процесса исследования. В ситуациях, когда результаты археологического и дендрохронологического датирования не сходятся, археолог должен поставить вопрос о достоверности как археологических, так и дендрохронологических датировок. Этого требует научный метод. Поставить археолог такой вопрос может и обязан, а решить — нет. В данной ситуации исследователь может либо игнорировать проблему, либо некритически принять дендродаты как данность или, наоборот, отдать предпочтение результатам историко-археологического датирования. Тем не менее все три варианта не снимают проблемы рассогласования результатов двух методов. Учитывая, какое место дендрохронология занимает в современной археологии, необходимо найти пути повышения доверия археологов к результатам дендрохронологического датирования.

В заключение приведем пример из практики археологического изучения Мангазеи. Из постройки № 14 был взят образец для дендрохронологического датирования, которое отнесло его к 1599 г. Такая дата не согласуется с дендрохронологической датировкой других построек усадьбы. Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович полагают, что бревно могли взять из разобранного коча, построенного далеко от Мангазеи (в районе Верхотурья или Тюмени) [2, с. 158]. Из этого примера следует, что для любого образца древесины, откуда бы он ни происходил, можно подобрать место на любой дендрошкале, какой бы она период ни охватывала и из какого бы района ни происходила. Такие примеры все более настоятельно требуют от дендрохронологии увеличения прозрачности ее исследовательских процедур для археологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 372 с.
2. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.

3. Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI — начала XX в. Барнаул: Азбука, 2006. 188 с.
4. Горохов С. В. Значение дендрохронологических исследований памятников, связанных с процессом освоения территории Сибири Российским государством в конце XVI — XVIII вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 1. С. 97 — 112.
5. Горохов С. В. История, локализация и планиграфия Бергамакского острога // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2021. Т. 20, № 3. С. 78 — 92.
6. Горохов С. В. Конструкция надземной части тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2024. Т. 23, № 3. С. 111 — 121.
7. Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 640 с.
8. Колесников А. Д. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года: моногр. Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. 218 с.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
10. Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Черная М. П., Тихонов С. С., Бен Н. С. Коллекция обуви Тары в контексте городской застройки (по материалам раскопок 2018 г.) // Вестник Томского государственного университета. [Сер.:] История. 2021. № 69. С. 45 — 54.
11. Сидорова М. О., Жарников З. Ю., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Мыглан В. С. Дендрохронологическое датирование археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. 2019. № 2. С. 134 — 144.
12. Слепченко С. М., Татаурова Л. В. Возможности антропологических и биоархеологических исследований погребальных комплексов XVII — XVIII вв. // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: сб. тр. V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова [в 2 т.]. Тара: Изд-во А. А. Аскаленко, 2010. Т. 1. С. 67—70.
13. Татауров С. Ф. Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре в XVII — XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1. С. 28 — 35.
14. Татауров С. Ф. Археологические исследования в историческом центре г. Тары в 2011 г. // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: материалы VI регион. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А. В. Ваганова. Омск: Амфора, 2012. С. 77 — 80.
15. Татауров С. Ф. Археологические исследования города Тары в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 239 — 242.
16. Татауров С. Ф. Археологические свидетельства торговых отношений в г. Таре в XVII — XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 103 — 109.
17. Татауров С. Ф. Традиции и новации в деревянной архитектуре Тары (по археологическим материалам раскопок города) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Омск: Наука, 2018. С. 117 — 122.
18. Татауров С. Ф., Черная М. П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 86 — 91.
19. Татауров С. Ф., Черная М. П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. к 50-летию Ларисы Вениаминовны Татауровой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214 — 219.
20. Татауров С. Ф., Черная М. П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011 — 2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. 20. С. 292 — 294.
21. Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Черная М. П. Итоги раскопок исторического центра города Тары в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 432 — 434.

22. Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. В., Тихонов С. С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.

23. Татаурова Л. В. Раскопки Бергамакского острога // Археологические открытия 1996 года. М.: [Б. и.], 1997. С. 357 — 358.

24. Татаурова Л. В. Система жизнеобеспечения русских в XVII — XIX вв. по данным археологии // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 142 — 144.

25. Черная М. П., Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Бен Н. С. «Хождение за Камень» — освоение пространства в археологическом контексте (по материалам археологической кожи Тары как исторического источника) // Былые годы. 2020. Т. 58, № 4. С. 2292 — 2304.

Статья поступила в редакцию 03.09.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 17.11.2023.

Информация об авторе:

Сергей Валерьевич Горохов, научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>, gorokhov.sv@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Apollova NG. Economic Development of the Irtysh Region at the End of the XVI — First Half of the XIX Century. Moscow;1976. (In Russ.)
2. Vizgalov GP, Parhimovich SG. Mangazeya: Estate of the Polar City. Nefteyugansk;Ykaterinburg;2017. (In Russ.)
3. Goncharov IuM, Ivonin AR. Essays on the History of the City of Tara of the Late XVI — Early XX Centuries. Barnaul;2006. (In Russ.)
4. Gorohov SV. The Importance of Dendrochronological Studies at Archeological Sites Related to the Russian Colonization of Siberia (Late XVI to XVIII Century). *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. 2020;(1):97—112. (In Russ.)
5. Gorokhov SV. History, Localization and Planigraphy of the Bergamak Prison. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: History. Philology*. 2021;20(3):78—92. (In Russ.)
6. Gorokhov SV. The Construction of the Aboveground Part of the Rear Walls of the Defensive Structures of the Russian State in Siberia and the Far East in the Late XVI — Early XVIII Century. *Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History. Philology*. 2024;23(3):111—121. (In Russ.)
7. Klein LS. The History of Russian Archaeology: Teachings, Schools and Personalities. St. Petersburg;2014;2. (In Russ.)
8. Kolesnikov AD. Omsk and Tarsky Counties in the Topographic, Historical and Economic Description of 1788. Omsk;2002. (In Russ.)
9. Miller GF. The History of Siberia. Moscow;1999;1. (In Russ.)
10. Osipov DO, Tataurov SF, Chernaia MP, Tihonov SS, Ben NS. Tara's Shoe Collection in the Context of Urban Development (Based on the Materials of Excavations in 2018). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2021;(69):45—54. (In Russ.)
11. Sidorova MO, Zharnikov ZYu, Tataurov SF, Tataurova LV, Myglan VS. Dendrochronological Dating of Archaeological Sites of the Tarsky Irtysh Region (Omsk region). *Russian Archeology*. 2019;(2):134—144. (In Russ.)

12. Slepchenko SM, Tataurova LV. Possibilities of Anthropological and Bioarchaeological Studies of Burial Complexes of the XVII — XVIII Centuries. *Topical Issues of Historical, Cultural and Natural Heritage of the Tarsky Irtysh Region*. Collection of works. Tara;2010;1:67—70. (In Russ.)
13. Tataurov SF. Archaeological and Historical Sources on the Use of Wood in Tara in the XVII — XVIII Centuries. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. 2018;(1):28—35. (In Russ.)
14. Tataurov SF. Archaeological Research in the Historical Center of Tara in 2011. *Socio-Economic Development and Historical and Cultural Heritage of the Tarsky Irtysh Region*. Omsk;2012:77—80. (In Russ.)
15. Tataurov SF. Archaeological Research of the City of Tara in 2011. *Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2011;17:239—242. (In Russ.)
16. Tataurov SF. Archaeological Evidence of Trade Relations in Tara in the XVII — XIX Centuries. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2017;(46):103—109. (In Russ.)
17. Tataurov SF. Traditions and Innovations in the Wooden Architecture of Tara (According to the Archaeological Materials of the Excavations of the City). *Integration of Archaeological and Ethnographic Research*. Omsk;2018:117—122. (In Russ.)
18. Tataurov SF, Chernaya MP. The Earthen Chronicle of Tara: an Archaeological Commentary on the History of the City. *Archeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research*. Barnaul;2015:86—91. (In Russ.)
19. Tataurov SF, Chernaya MP. Manor in the Tarsk Fortress: Experience of Reconstruction of the Complex. *Culture of Russians in Archaeological Research*. Omsk;2015:214—219. (In Russ.)
20. Tataurov SF, Chernaya MP. The Estate on the Territory of the Tar Fortress: Results of Research 2011 — 2014. *Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2014;20:292—294. (In Russ.)
21. Tataurov SF, Tihonov SS, Chernaya MP. The Results of the Excavations of the Historical Center of the City of Tara in 2016. *Problems of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk;2016;22:432—434. (In Russ.)
22. Tataurov SF, Tataurov FS, Tataurova LV, Tikhonov SS. Archaeological Chronicle of the Tarskaya Land. Omsk;2019. (In Russ.)
23. Tataurova LV. Excavations of the Bergamak Prison. *Archaeological Discoveries of 1996*. Moscow;1997:357—358.
24. Tataurova LV. The Life Support System of Russians in the XVII — XVIII Centuries. According to Archeology. *The Life Support System of Traditional Societies in Antiquity and Modernity. Theory, Methodology, Practice*. Tomsk;1998:142—144. (In Russ.)
25. Chernaya MP, Osipov DO, Tataurov SF, Ben NS. “Walking for a Stone” — the Exploration of Space in an Archaeological Context (Based on the Materials of the Archaeological Skin of Tara as a Historical Source). *Bygone Years*. 2020;58(4):2292—2304. (In Russ.)

The article was submitted 03.09.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Information about the author:

Sergej V. Gorokhov, Researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of the Novosibirsk State University (1 Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>, gorokhov.sv@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.